

УДК 94(476):329.735+351.745«1905/1907»

Массовые беспорядки и городская полиция в белорусских губерниях в 1905–1907 гг.

Киселев А.А.

Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь», Минск

В историографии деятельность городской полиции в белорусских губерниях в 1905–1907 гг. оценивается, как правило, негативно. Однако такая интерпретация не учитывает политического контекста и особенностей кризиса 1905–1907 гг. и является тенденциозной.

Цель – анализ причин, обусловивших неспособность городской полиции противостоять акциям массового уличного протеста в 1905–1907 гг. и предотвратить человеческие жертвы среди городских жителей.

Материал и методы. *Выводы статьи основываются на анализе материалов официального делопроизводства учреждений Министерства внутренних дел и мемуаров участников революционного движения. В ней применялись сравнительно-исторический и системно-исторический методы.*

Результаты и их обсуждение. *В исследовании утверждается, что городская полиция боролась против боевиков социалистических партий в 1905–1907 гг. Боевики использовали мирные демонстрации и гражданский протест в политических целях. Провокационные действия были причиной жертв среди гражданского населения, это помогло экстремистам настраивать людей против полиции. Еще одним методом борьбы боевиков против сотрудников полиции являлся политический террор. На некоторое время он парализовал деятельность городской полиции, которая была немногочисленной и плохо вооруженной. В ее структуре отсутствовали специальные подразделения для борьбы с массовыми беспорядками или террористическими группами. Только военные подразделения русской армии прекратили деятельность террористов. Однако это привело к человеческим жертвам. Гибель людей была связана с использованием в городских условиях армейского вооружения.*

Заключение. *Политический кризис 1905–1907 гг. показал, что городская полиция белорусских губерний оказалась не готовой к новым политическим вызовам. Только применение военной силы позволило сохранить контроль над городскими центрами белорусских губерний.*

Ключевые слова: *городская полиция, Министерство внутренних дел, массовые беспорядки, терроризм.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 93–99)

Major Riots and the City Police in Belarusian Provinces in 1905–1907

Kiselev A.A.

Educational establishment «Belarusian Military Academy», Minsk

The activity of the city police in the Belarusian provinces in 1905–1907 is usually critically evaluated in the historiography. However, this interpretation does not take into account the political context and the specific features of the crisis of 1905–1907. Thus, it is biased.

The purpose of the article is analysis of the causes of inability of the city police to counteract the acts of major street riots in 1905–1907 and prevent casualties among city population.

Material and methods. *The findings of this article are based on the analysis of official clerical work of institutions of the Ministry of Internal Affairs and the memoirs of the participants of the revolutionary movement. Comparative and historical and system and historical methods were used for the research.*

Findings and their discussion. *This article states that the city police fought against the militants belonging to socialist parties in 1905–1907. The militants used peaceful demonstrations and civil protest for political purposes. The provocative actions became the reason of casualties among the civilian population. It was used for propaganda against the police. Militants used political terror against the police. For some time the activities of the city police were paralyzed because of the campaign of terror. The city police was quite small in number and poorly armed. There weren't any special units to deal with riots or terrorist groups in the police structure. Only the military units of the Russian army were able to stop the terrorists. However, the use of military weapons in the urban area led to human casualties.*

Conclusion. *The political crisis of 1905–1907 revealed that the city police in Belarusian provinces was not ready for the new political challenges. Only the use of military force allowed to maintain control over the city centers of the Belarusian provinces.*

Key words: *the city police, the Ministry of Internal Affairs, major riots, terrorism.*

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 93–99)

Адрес для корреспонденции: e-mail: kiselev_aa@list.ru – А.А. Киселев

В период политического кризиса 1905–1907 гг. полицейские структуры МВД Российской империи первыми в мировой практике столкнулись с проявлениями современного терроризма, который для своих политических целей вынуждает правительство «прибегнуть к репрессиям и, таким образом, потерять поддержку своего народа» [1, с. 132]. В этой связи становится актуальным изучение проблемы деятельности полиции по обеспечению правопорядка в условиях массового политического протеста и террора. Поскольку центрами революционного движения в период 1905–1907 гг. являлись города, то представляет интерес на примере городской полиции белорусских губерний проследить реакцию и логику действия полицейских структур в условиях политического кризиса.

Как правило, описание деятельности общей полиции в отечественной историографии по-прежнему выдержано в традициях советской исторической науки, которая изображала силы правопорядка исключительно в роли жестоких карателей. Вместе с тем такая интерпретация представляется, по меньшей мере, односторонней, поскольку не принимает во внимание состояние самих полицейских структур, мотивированность их действий сложившейся политической обстановкой.

Цель статьи – анализ причин, обусловивших неспособность городской полиции противостоять акциям массового уличного протеста в 1905–1907 гг. и предотвратить человеческие жертвы среди городских жителей.

Материал и методы. Основными источниками стали материалы официального делопроизводства местных учреждений Министерства внутренних дел, канцелярии виленского генерал-губернатора, которые позволяют показать позицию полицейских и военных чинов, их видение ситуации. Наряду со служебной перепиской представляют интерес мемуарные свидетельства деятелей революционного движения, принимавших непосредственное участие в событиях, происходивших в это время в белорусских губерниях [2–4]. В какой-то степени они позволяют проверить утверждения, содержащиеся в ведомственной переписке. В частности, установить факт наличия и деятельности боевых групп социалистических партий в городах белорусских губерний. Исследование построено на применении традиционных методов исторического исследования: сравнительно-историческом и системно-историческом. В теоретическом отно-

шении полицейские структуры рассматриваются как государственный институт, который в условиях политического кризиса наряду с традиционными функциями по поддержанию правопорядка вынужден предпринимать меры, направленные на защиту существующей политической системы. Однако структура полицейской организации, контекст и характер политической борьбы в значительной степени определяют особенности действия полиции и косвенно характеризуют политический режим и развитие государственности.

Результаты и их обсуждение. При описании и характеристике событий политического кризиса 1905–1907 гг. в белорусских губерниях учеными, как правило, не акцентируется характер массовых акций политического протеста, что приводит к выводу о необоснованности применения силы полицией и войсками. В этой связи следует отметить, что демонстрации в городах белорусских губерний зачастую имели далеко не мирный характер, а среди демонстрантов было много вооруженных, в том числе огнестрельным оружием, боевиков социалистических партий и просто агрессивных настроенных лиц, далеких от стремления соблюдать какую-либо законность. Например, 25 июля 1905 г. в уездном городе Ошмяны произошла демонстрация, многие из участников которой несли «в руках револьверы, кинжалы и кистени, которыми они махали в воздух». В рапорте о демонстрации честно сообщалось, что преследование было прекращено в силу «недостаточного числа» полицейских и «опасности, грозившей им благодаря тому, что большинство демонстрантов было вооружено» [5, л. 177]. По этой причине применение оружия со стороны полиции и особенно армейских подразделений не является безусловным доказательством чрезмерности репрессивных мер местных властей.

В целом ряде случаев, когда массовые формы уличного протеста завершались использованием оружия и жертвами среди гражданского населения, в обострении ситуации оказывались прямо или косвенно виноваты члены радикальных партий и групп. В частности, самым известным применением оружия против демонстрации в белорусских губерниях считается «курловский расстрел» 18 октября 1905 г., который, как правило, трактуется как ничем немотивированный расстрел мирного митинга. Однако полицейские донесения свидетельствуют, что реальная ситуация на при-

вокзальной площади Минска была не такой однозначной. Во-первых, незадолго до того, как был открыт огонь, на площадь по Михайловской улице прибыла толпа, которая по пути избила городского и устроила обстрел 4-го полицейского участка Городского полицейского управления в г. Минске (далее ГПУ). Движение толпы под красными флагами сопровождалось пением революционных песен. Во-вторых, огонь был открыт лишь после того, как толпа попыталась силой проникнуть в охраняемое караулами солдат здание вокзала. До этого митинг, несмотря на далекие от политической корректности речи ораторов под красными флагами, никто не разгонял и не трогал. Обострение ситуации произошло только после того, как на площадь с Михайловской улицы попала агрессивно настроенная толпа. Проникновение в здание сопровождалось попытками захвата оружия у нижних чинов, насилием и даже несколькими выстрелами из револьвера. По крайней мере, помощником пристава А.К. Бернацким был составлен протокол, удостоверявший, что «в окнах дверей вокзала, к которым стояла лицом толпа, имеются в значительном числе пробоины, образовавшиеся, судя по калибру пуль, от револьверных выстрелов, которыми была вооружена толпа манифестантов, которые ... стреляли также в 4-й полицейский участок, направляясь с красными флагами к вокзалу» [6, с. 356]. В-третьих, все от губернатора до командира батальона, охранявшего вокзал, в своих показаниях утверждали, что приказа на открытие огня не отдавали, а стрельба была начата солдатами в ответ на попытку насильственного проникновения толпы в помещение вокзала, причем право на подобные действия «без особых предупреждений» у военнослужащих было в соответствии с Уставом гарнизонной службы. Таким образом, длившийся несколько часов митинг закончился кровавой трагедией лишь после появления на площади вооруженных и радикально настроенных демонстрантов, которые, вероятно, и решили осуществить захват охраняемого вокзала. В результате нижние чины открыли огонь, который спустя несколько минут прекратили по приказу офицеров, но было уже поздно: погибло 55 и получили ранение 75 человек. Очевидно, что стрельба была спровоцирована радикальными боевиками и активистами партий, которые, по всей видимости, и толкнули часть манифестантов пойти на прорыв армейских караулов при вокзале.

Интересно, что значительные жертвы среди горожан после уличных столкновений сознательно использовались для дискредитации как полиции, так и местных и центральных властей. В частности, 30 июля 1905 г. в Белостоке (Гродненская губерния) в результате перестрелки между боевиками-анархистами и армейскими подразделениями, приданными на усиление полиции, погибло 39 человек, а 42 получили ранения. Проводя служебное расследование трагического инцидента, власти честно констатировали невозможность установить в каждом случае обоснованность применения оружия. Признавалось, что большинство невинных жертв погибли от огня из армейских винтовок, открытого по стрельявшим из домов боевикам. Казалось бы, есть все основания переложить на местную администрацию ответственность за трагедию. Однако при разбирательстве было обращено внимание на то, что среди убитых лиц мужского пола преобладали дети в возрасте от 8 до 15 лет и мужчины в возрасте от 40 до 75 лет. Странность же заключалась в том, что по показаниям солдат в перестрелку с ними вступили в основном «молодые евреи в возрасте от 18 до 35 лет и что они, войска, почти исключительно стреляли по таковым». Практика участия в терактах и сопротивлении полиции радикальной еврейской молодежи навела полицию на мысль о том, что убитые и почти все раненые боевики скрыты от властей, поскольку задержание раненых позволило бы установить связь революционеров с беспорядками 30 июля. Действительно, вскоре агентурные сведения подтвердили факт тайных похорон за пределами города до 30 человек в ночь на 1 августа 1905 г. По мнению властей, цель сокрытия «этих трупов более или менее очевидна: члены революционной партии имели в виду, что значительное число жертв из лиц, которые, по-видимому, не могли принимать активного участия в беспорядках, подействует в желательном для них направлении на массы, коль скоро отсутствуют трупы молодежи, обыкновенно участвовавшей в Белостокских беспорядках и демонстрациях» [7, л. 30]. Таким образом, боевики не только вступали в перестрелку с войсками, фактически подставляя горожан под огонь, но и в ряде случаев изначально планировали использовать гибель мирных жителей в пропаганде против правительства. Например, накануне массовых беспорядков в Двинске (Витебская губерния) в феврале 1905 г. полицеймейстер А.В. Махце-

вич получил данные о том, что «руководители движения (комитет), желая привлечь симпатии всего городского населения, предложили принести хоть 50 жертв, лишь бы этим вызвать в населении осуждение правительству и т.п.» [8, л. 16]. В свою очередь, гибель значительного числа лиц после применения армейскими подразделениями в городских условиях стрелкового оружия была практически неизбежна. Например, пуля из трехлинейки, т.е. основной штатной винтовки русской армии, при стрельбе в упор может пробить до 12 мм железной пластины, или прострелить железнодорожный рельс. Именно баллистические свойства армейского оружия объясняют высокие жертвы среди гражданского населения в Минске и Белостоке, оказавшегося на месте митингов и демонстраций, превращенных стараниями боевиков социалистических партий в массовые беспорядки.

Чинам городских полицейских управлений противостояли не просто манифестанты, но боевики социалистических партий, организованные в отряды самообороны, боевые дружины и группы, которые претендовали на установление контроля над городом. Показательно, что для обоснования их создания использовались провокационные слухи о подготовке полицией еврейских погромов и массовых избиений интеллигенции. Эти отряды самообороны под предлогом защиты населения от насилия со стороны законной власти возникли во многих городах белорусских губерний. В частности, согласно отчету виленского губернатора Д.Н. Любимова о событиях осени 1905 г. в Вильно «образовалась, под руководством главарей революционных партий, так называемая “еврейская самооборона”». В течение всего ноября месяца многочисленные отряды самообороны, состоящие преимущественно из еврейской молодежи, вооруженные револьверами и свинцовыми нагайками, господствовали в городе, наводя страх и панику на мирное население, упражняясь в стрельбе на улицах, задерживая прохожих и проезжих и доставляя их, для проверки личности, в особые бюро, помещавшиеся, между прочим, и в городской управе, в коей “самооборона”, видимо, встретила сочувствие» [9, с. 2]. В Гомеле лидерами Бунда, социалистов-сионистов и паолей-сионистов в 1903 г. также была создана многочисленная самооборона. В октябре 1905 г. руководители «партий пытались устроить в городе милицию под покровительством городского общественного

управления, а потерпев в том неудачу, – образовали свои тайные милиции и открыто собирали в городе деньги на вооружение, обращаясь с требованиями как к евреям зажиточным, так и к местным русским жителям». Пользуясь беспомощностью полиции, боевики «почувствовали себя господами положения: нахальство, поборы с револьверами в руках, бросание бомб, устройство забастовок, убийство испр. Еленского и помощника пристава Славошевича, покушение на жизнь полицеймейстера (Чешко) страшно терроризировали население. Точно также были терроризированы войска и полиция». Как и в Вильно, ставка делалась на молодежь и просто подростков, поскольку ряды боевиков имели «в составе своем главным образом несовершеннолетних, совершенно недисциплинированных и притом вооруженных» [6, с. 381]. В Минске наряду с боевиками Бунда действовали и боевые вооруженные формирования РСДРП. В своих воспоминаниях их активный участник Е. Беленький указывает, что «отряды самообороны» были созданы «еще в начале 1904 г.». Они разбивались на «небольшие отряды в 15–20 человек» [2, л. 15] и во время массовых акций собирались на конспиративных квартирах, известных руководителям местного комитета РСДРП. Все боевики были вооружены огнестрельным оружием, но первое время, сетовал автор воспоминаний, «револьверы в отрядах были не одной системы. У одного и того же отряда были, например, револьверы: маузер, браунинг и старые бульдоги» [2, л. 13]. Снаряжение дополняло изготавливаемое нелегально на заводах «для себя и для товарищей разное холодное оружие» [2, л. 14], т.е. кастеты, ножи, нагайки, дубинки. Боевики самообороны использовались для «захвата революционным путем частных типографий для печатания нелегальных воззваний», «при уличных демонстрациях» и «охране происходивших ежедневно собраний» и, наконец, играли роль телохранителей местных партийных лидеров. В теории предполагалось, что они будут участвовать в государственном перевороте: «основной целью отрядов состояла в подготовке к вооруженному восстанию». В Двинске (Витебская губерния) в декабре 1905 г., по словам члена местной социал-демократической организации Р.Б. Борисовой, «боевая дружина комитета РСДРП имела уже до 300 обученных военному делу вооруженных рабочих. Такое же количество боевиков имелось у всех других партийных

групп» [3, с. 61]. В этой связи не приходится удивляться тому, что массовые митинги проходили далеко не мирно.

Проблема борьбы с боевиками заключалась в том, что в структуре органов МВД Российской империи не предусматривалось специальных подразделений, аналогичных современным внутренним войскам или милицеским подразделениям особого назначения. Вместо них администрация была вынуждена прибегать к помощи армейских подразделений русской армии, привлекая их к охране общественного порядка. Однако это не было признаком какой-либо особенной жестокости, а вынужденной мерой при малочисленных штатах городских и их слабой вооруженности. В частности, в 1905 г. в Вильно полицейская команда городского полицейского управления насчитывала 300 городских при населении в 165547 человек, в Витебске – 77 при 73748, в Минске – 164 на 100260, в Гродно – 62 при 43516 и в Могилеве – 80 человек на 50517 жителей. В некоторых городах небольшой штат городских просто бросался в глаза: в Гомеле на службе состоял 61 нижний чин полицейской команды при населении в 50385 горожан; в Пинске всего 30 городских были обязаны охранять спокойствие 32960 жителей. Уличные столкновения показали, что штатное вооружение городских не позволяло им противостоять боевикам и толпе. В частности, минский губернатор П.Г. Курлов в своем рапорте от 1 декабря 1905 г. констатировал, что «чуть ли не все лица противоправительственного направления, к каким бы обществам и фракциям они не принадлежали, поголовно вооружены револьверами с достаточным количеством патронов и тем самым столкновение с ними при малочисленности полиции является весьма опасным, шашки же, которыми вооружены городские, имеют значение лишь при рукопашной схватке, причем прежде чем дойдет до таковой, полиция будет расстреляна на известном расстоянии» [10, с. 361]. Начальник губернии просил разрешения на выдачу городским винтовок на время полевой службы или «при необходимости решительных действий». О качестве вооружения полицейских ярко свидетельствует, например, рапорт слуцкого исправника Э.Г. Штриккера от 3 января 1906 г. Полицейская команда Слуцка из 20 нижних чинов была вооружена шашками и 12 револьверами. При этом шашки не годились как «боевое оружие, так как клинки их из простого железа, легко

гнутся и зазубриваются». Проверка показала, что 4 револьвера «совершенно испорчены» и даже не подлежат ремонту, 4 «при опытной стрельбе, не дают проверочных выстрелов», т.е. фактически неисправны. Остальные пистолеты могут использоваться, но требуют частого ремонта, и «как старосистемные, долго бывшие в употреблении и часто чинившиеся, не могут быть признаны боевым оружием» [11, л. 126]. Отнюдь неслучайно Департамент полиции МВД в секретном циркуляре от 26 января 1906 г. был вынужден признать, что «революционеры зачастую снабжены оружием значительно лучших образцов, чем чины городских полиций» [11, л. 450].

Практически все партии революционного толка использовали боевиков для насильственного вовлечения населения в акции массового протеста, особенно забастовки. В частности, согласно рапорту виленского губернатора К.К. Палена от 29 апреля 1905 г. «стачки и забастовки среди рабочих и служащих в промышленных заведениях города Вильно происходят помимо желания большинства, под давлением со стороны незначительной группы лиц, принадлежащих к боевым и террористическим кружкам преступных организаций». Они «путем угроз, запугиваний и насилий, нередко выражающихся в кровавых расправах, всегда достигают того, что самые мирные и благомыслящие рабочие невольно прекращают занятия, шадя лишь неприкосновенность своей личности» [5, л. 88]. В воспоминаниях руководителя двинских боевиков Бунда М. Дейча утверждается, что при организации забастовки и демонстрации в феврале 1905 г. они «закрыли все лавки и магазины, в этом деле участвовало до 30 боевиков, угрозы полиции были бессильны, ибо обыватели боялись больше нас, чем полиции», а партийные «патрули не позволили рабочим депо работать» [4, с. 152–153].

Против полиции велась постоянная пропаганда в многочисленных листовках. Ее следствием становилась дегуманизация образа полицейского, превращавшегося в абстрактного врага, лишённого каких-либо человеческих черт и подлежащего уничтожению. Например, в прокламации «Ко всем!» Полесского комитета РСДРП (февраль 1905 г.) утверждалось, что все «должны отвечать выстрелами из револьверов, вооружаться палками, камнями, чем только попало, но всегда отвечать массовым нападением на полицию, жандармов и прочих царских собак» [10, с. 58]. Положительное от-

ношение к убийствам превращалось в правило хорошего тона. Так, в прокламации «К крестьянам!» (март 1905 г.) говорилось, что «многие из честных и отзывчивых русских граждан радуются и прославляют героев, убивающих кого-нибудь из кровопийц царской шайки, министров и полиции» [10, с. 77]. В 1905 г. ЦК Социал-демократической партии Литвы призывал к изгнанию и убийствам «наиболее злостных» полицейских [12, с. 170].

В свою очередь, террор против полиции привел к тому, что на некоторое время она оказалась просто деморализована на всем пространстве литовско-белорусских губерний. Так, в 1905 г. городские даже не решались срывать революционные листовки. В частности, согласно донесениям начальника Губернского жандармского управления в г. Вильно (далее ГЖУ) от 28 ноября 1905 г. «революционеры расклеивают, не стесняясь, на глазах городских преступные воззвания, и последние не решаются таковые изъять» [12, с. 20]. Подобная ситуация сложилась в Гомеле согласно донесению от 1 декабря 1905 г. помощника начальника Могилевского ГЖУ М.А. Подгоричани: после террористических актов против местного исправника и полицеймейстера «чины полиции, видимо, стали несколько безучастно относиться к революционным явлениям» [13, с. 231]. В результате «расклеиваемые по городу прокламации противозаконного содержания никем не снимаются, и ни одной прокламации я от чинов полиции за истекший месяц не получил» [13, с. 231]. Причина страха нижних чинов и пассивности полицейских чиновников объясняется масштабами террора, которые хорошо иллюстрирует, например, ситуация в Белостоке. В этом крупнейшем городе Гродненской губернии с 1 января 1905 г. до объявления 7 сентября 1905 г. военного положения погибло от рук боевиков 4 и было ранено 9 полицейских чинов МВД, а после отмены военного положения с 1 марта до 23 мая 1906 г. совершено еще 18 терактов, жертвами которых стали как чиновники полиции (2 убитых и 6 раненых), так и гражданское население (1 убитый и 5 раненых). Жизнь любого полицейского сотрудника (от полицеймейстера до постового городского) оказалась поставленной под угрозу, поскольку террористы выбирали жертву «безотносительно от своих личных качеств или степени опасности их для разрушительных элементов». В ход шли взрывные устройства, ножи и огнестрельное оружие,

причем подчас убийства совершались с особой жестокостью. Так, 19 июля 1905 г. на пороге мясной лавки было совершено убийство городского Барцевича: «обливают серной кислотой и, лишённого зрения, зверски убивают тремя выстрелами из револьвера» [7, л. 3 об.]. Вследствие череды терактов против чиновников МВД среди населения Белостока сформировалась убежденность в полной безнаказанности революционеров и бессилии полиции. Например, после того как в городе «распространился слух, что революционная организация приговорила к смерти» исполняющих обязанности полицеймейстера и его помощника, приставов 2-го и 4-го участков, последние обнаружили, что «как только кто-либо из них садился в вагон конно-железной дороги, остальная публика, преимущественно евреи, спешили оставить таковой, а при появлении их в магазине или ресторане посетители разбегались» [7, л. 4]. Целенаправленный террор против полиции на какое-то время парализовал деятельность чинов городских полицейских управлений.

Заключение. Таким образом, полиция городских полицейских управлений оказалась застигнутой врасплох массовыми беспорядками. Политические партии под предлогом защиты от еврейских погромов, якобы организуемых полицией, или расправы с инакомыслящими располагали группами хорошо вооруженных боевиков. Последние терроризировали полицию, вовлекали в свои ряды молодежь и придавали массовым акциям заведомо радикальный, далекий от какого-либо мирного гражданского протеста, характер. Против полиции велась пропаганда, а в общественном мнении утверждался негативный образ полицейского, призванный оправдать политический террор. Малочисленная полиция городских полицейских управлений не имела сил для пресечения деятельности боевых партийных организаций. Слабость полицейских структур в белорусских губерниях, как представляется, косвенно свидетельствует о том, что в Российской империи так и не сложилось полицейского государства, располагавшего специализированным аппаратом подавления. В результате в условиях политического кризиса 1905–1907 гг. пришлось неоднократно обращаться в соответствии с предусмотренным законодательством порядком к помощи армейских подразделений русской армии. Однако вынужденное применение военной силы при столкновениях с радикаль-

ными боевиками, чьи действия имели, в сущности, провокационный характер, в городских условиях оборачивалось человеческими жертвами среди гражданского населения. Это не было результатом действий исключительно русских армейских подразделений. Мировая практика применения войск в борьбе с террористическими формированиями в XX в. от Великобритании и Франции до Турции и Шри-Ланки показала, «что использование армии неизбежно приводит к уничтожению значительной части гражданских лиц» [14, с. 27]. Вовлечение армии в мероприятия по охране общественного порядка и противодействию терроризму не является безусловным показателем репрессивности политического режима. Вместе с тем без привлечения к охране правопорядка армейских подразделений боевикам радикальных партий, несомненно, удалось бы на какое-то время захватить власть в отдельных городах белорусских губерний, парализовав своими действиями работу городской полиции.

Литература

1. Кларк, Уэсли К. Как победить в современной войне / Уэсли К. Кларк. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 240 с.
2. Воспоминания Еф. Беленького. 1905 год. Подготовка к вооруженному восстанию // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1440. – Оп. 3. – Д. 45.
3. Борисова, Р.Б. В огне революционной борьбы / Р.Б. Борисова. – М.: Изд-во полит. литературы, 1957. – 151 с.
4. Дейч, М. Записки о моей революционной работе / М. Дейч // Пролетарская революция. – 1922. – № 8. – С. 129–168.
5. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 378. – Оп. 211. – Д. 2.
6. Материалы к истории русской контрреволюции. – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1908. – Т. 1. – 457 с.
7. ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 211. – Д. 46.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1416. – Оп. 2. – Д. 21388.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Коллекция всеподданнейших отчетов губернаторов. – Всеподданнейший отчет виленского губернатора за 1906 г. – С. 1–14.
10. Революционное движение в Белоруссии 1905–1907 гг.: док. и материалы / Ин-т истории Акад. наук БССР, Арх. упр. БССР. – Минск: Изд-во АН БССР, 1955. – 745 с.
11. НИАБ. – Ф. 299. – Оп. 2. – Д. 13335а.
12. Революция 1905–1907 гг. в Литве: документы и материалы. – Вильнюс: Гос. изд. полит. и науч. литературы, 1961. – 572 с.
13. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженное восстание. Ноябрь–декабрь 1905 года / под ред. А.Л. Сидорова. – М.: АН СССР, 1957. – Ч. IV. – 1002 с.
14. Мельничук, К. Формы и методы борьбы с террористическими и экстремистскими организациями / К. Мельничук // Зарубежное военное обозрение. – 2009. – № 1. – С. 24–27.

Поступила в редакцию 30.05.2015 г.